
**«КРИТИКИ СНИЗУ» НА ПРЕДПРИЯТИЯХ И ОРГАНИЗАЦИЯХ
НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.**

А.О. Тюрин

Кафедра истории России
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20, Астрахань, Россия, 414056

В статье на основе архивного материала описывается и анализируется такое явление советской демократии, как «самокритика». В статье показано как различные группы городского населения в своей повседневной жизни на практике осуществляли призыв государственной власти к «критике снизу».

Ключевые слова: советская демократия, самокритика, городское население, «критика снизу».

Во второй половине 1920-х гг. в начале коренной социально-экономической и политической трансформации страны происходит усиление «сталинской линии» в государственном управлении. Определенным рубежом этого явления можно считать знаменитое «Шахтинское дело». Если апрельский пленум ЦК принял по докладу Рыкова компромиссную резолюцию по «Шахтинскому делу», то в глазах Сталина это была экономическая контрреволюция. По мнению Сталина, партия должна именно сейчас готовиться к отражению опасности.

В этой связи Сталин выдвинул лозунг «самокритики», который был первоначально озвучен на XV съезде партии после исключения оппозиционеров. Важно, что Сталин имел в виду не критику человеком своих поступков или черт, а «критику снизу», массовую критику со стороны «трудящихся», направленную на руководство.

Для чего же нужна, по мнению Сталина, такая «самокритика»?

В докладе на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. Сталин объяснял: «В чем состоит новизна обстановки? В том, что у нас нет или почти нет больше оппозиции... в партии может создаться опасность почить на лаврах, предаться покою и закрыть глаза на недостатки нашей работы. А что значит почить на лаврах? Это значит поставить крест над нашим движением вперед. А для того, чтобы этого не случилось, нам нужна самокритика, – не та критика, злобная и по сути дела контрреволю-

ционная, которую проводила оппозиция, – а критика честная, открытая, большевистская самокритика... С одной стороны, у нас выделилась группа руководителей, авторитет которых... становится почти что недостижимым для масс. С другой стороны, массы рабочего класса... они начинают смотреть на вождей снизу вверх, зажмурив глаза, и нередко боятся критиковать своих вождей. Опасность эта может привести к тому, что вожди могут зазнаться и признать себя непогрешимыми... И именно для того, чтобы двигаться вперед и улучшать отношения между массами и вождями, надо держать все время открытым клапан самокритики, надо дать советским людям возможность «крыть» своих вождей, критиковать их за ошибки, чтобы вожди не зазнавались, а массы не отдалялись от вождей» (1).

Таким образом, Сталин призывал трудящихся, и в первую очередь рабочий класс, к открытой критике управляющего аппарата, то есть внутри самих коллективов должна была присутствовать критика администрации со стороны работников. На более высоком уровне уже горожане и крестьяне должны были открыто указывать на недостатки в работе местных и даже центральных органов власти, – это есть подлинная самокритика. При этом Сталин в своем докладе сразу же постарался выступить защитником будущих проводников самокритики: «Иногда ругают критиков за несовершенство их критики... Нередко требуют, чтобы критика была правильной по всем пунктам, а ежели она не во всем правильна, начинают ее поносить, хулить.

Это опасное заблуждение. Попробуйте только выставить такое требование, и вы закроете рот сотням и тысячам рабочих, рабкоров, селькоров, желающих исправить наши недостатки, но не умеющих иногда правильно формулировать свои мысли. Это была бы могила, а не самокритика...

Если вы будете требовать от них правильной критики на все 100%, вы уничтожите этим возможность всякой критики снизу, возможность всякой самокритики. Вот почему я думаю, что если критика содержит хотя бы 5–10% правды, то и такую критику надо приветствовать, выслушать внимательно и учесть здоровое зерно. И именно для того чтобы не тушить самокритику, а развить ее, именно для этого необходимо внимательно выслушивать всякую критику советских людей, если она даже является иногда не вполне и не во всех своих частях правильной» (2).

Правильной, по Сталину, должна была быть следующая критика: «Само собой понятно, что речь идет здесь не о «всякой» критике. Критика контрреволюционера является тоже критикой. Но она ставит своей целью развенчание Советской власти, подрыв нашей промышленности, развал нашей партийной работы... Я говорю не о такой критике, а о критике, идущей от советских людей, критике, ставящей своей целью улучшение органов Советской власти, улучшение нашей промышленности, улучшение нашей партийной и профсоюзной работы. Критика нужна нам для укрепления Советской власти, а не для ее ослабления» (3). Данное определение «правильной» кри-

тики достаточно расплывчато и субъективно, что впоследствии даст возможность для различных обвинений в зависимости от сложившейся ситуации.

Чуть позже Сталин более конкретизировал суть «самокритики»: «Надо строго различать между этой чуждой нам, разрушительной антибольшевистской «самокритикой» и нашей, большевистской самокритикой, имеющей своей целью насаждение партийности, упрочение Советской власти, улучшение нашего строительства, укрепление наших хозяйственных кадров, вооружение рабочего класса» (4). Таким образом, «самокритика» в большинстве своем должна была касаться хозяйственной деятельности и во многом политического образования, которое бы способствовало расширению социальной опоры «сталинской линии», и давало бы населению представление о задачах и итогах развития государства в целом.

Итогом развития самокритики среди населения, по мнению Сталина, должно было быть следующее: «Чего же ждем, прежде всего, от лозунга самокритики, какие он может дать нам результаты, если он будет проведен правильно и честно? Он должен дать по крайней мере два результата. Он должен, во-первых, поднять бдительность рабочего класса, обострить его внимание к нашим недостаткам, облегчить исправление этих недостатков и сделать невозможными всякого рода “неожиданности” в нашей строительной работе. Он должен, во-вторых, поднять политическую культурность рабочего класса, развить в нем чувство хозяина страны и облегчить обучение рабочего класса делу управления страной» (5).

Таким образом, самокритика нужна была для того, что бы местные и центральные лидеры не отрывались от нужд населения, а сами граждане, критикуя власть и администрацию, проявляли «бдительность» и совершенствовали свою политическую культуру. В целом самокритика, по мнению Сталина, становится одним из основных элементов «советской демократии», при помощи которого население принимает участие в управлении страной.

По мнению Сталина, проводником самокритики первоначально должны были стать печатные средства массовой информации: «В этом смысле значение печати, нашей партийно-советской печати поистине неопределимо. В этом смысле нельзя не приветствовать инициативу “Правды” в деле организации “Листка Рабоче-Крестьянской Инспекции”, ведущего систематическую критику недостатков нашей работы. Необходимо только постараться, чтобы критика была серьезной и глубокой, а не скользила по поверхности. Следует также приветствовать инициативу “Комсомольской Правды”, буйно и задорно атакующей недостатки нашей работы» (6).

В связи с провозглашенным лозунгом «самокритики» на местах стали следить за претворением этого процесса в жизнь. Например, в отчете саратовской газеты «Поволжская правда» говорилось: «Участие рабочих в про-

цессе самокритики увеличивается. Так, в июне 1928 г. в редакцию поступило 890 корреспонденций, а в октябре 1928 г. – 2332. Из 956 корреспонденций разоблачительного характера 297 корреспонденций поступило от рабочих, 71 – от крестьян, 11 – от красноармейцев, 265 – от служащих, 64 – от учащихся и 248 корреспонденций не удалось определить. С 1 августа по 1 ноября 1928 г. по заметкам рабочих корреспондентов “Поволжской правды” было передано в суд 17 дел, 15 чел. были сняты с занимаемых должностей, 17 чел. получили дисциплинарные взыскания, выселено нетрудовых элементов по 10 делам и исправлено недостатков по 56 делам» (7).

Приближенными к первой ступени самокритики должны были стать многотиражные издания и стенгазеты предприятий, организаций и различных управлений. Именно в рамках одной хозяйственной единицы в полной мере должна была проявляться самокритика, посредством которой трудящиеся активно принимали участие в управлении предприятием.

Авангардом в деле самокритики должны были стать рабочие корреспонденты (рабкоры), в большинстве своем молодые люди, комсомольцы. В астраханском многотиражном издании «Цемент» было дано следующее определение рабкорам: «Рабкор – не журналист. Рабкор – это рабочий, живущий вместе с партией и Советской властью, болеющий за каждый недостаток на производстве. Рабочий, помогающий своей деятельностью и критикой изживать трудности и недостатки» (8). Многие периодические издания, в которых публиковались критические репортажи, отчитывались перед партийным руководством о результатах работы рабкоров.

Что же представляли собой многотиражные издания (многотиражки)? Многотиражки освещали важные международные и внутривластные события. Однако изложение материала ничем не отличалось от центральных изданий, а часто являлось простой перепечаткой. Вместе с данной тематикой также продолжали публиковать критические и агитационные материалы. При этом в многотиражку мог написать любой трудящийся предприятия под определенным псевдонимом, чтобы избежать какого-либо преследования, чем многие пользовались.

Корреспонденты подписывались следующими псевдонимами: «бдительный», «колючий», «знающий» и тому подобные. Приведем примеры критических заметок по поводу неудовлетворительного состояния политического просвещения на астраханском заводе им. III Интернационала, которые были опубликованы в заводской многотиражке «Голос Рабочего». В статье «Ударим по оппортунистическому течению» говорилось: «...мы низовые парторганизации, упираемся в вопрос недостатка пропагандистских кадров. А товарищ Д... (старый коммунист) говорит: «Я, помощник директора, работаю, не нормировано, и руководить кружком не буду, так как мне ваша политучеба не нужна». Нужно клеймить позором таких нытиков и объявить беспощадную борьбу таким настроениям. Подпись: Свой» (9).

В другом номере газеты в статье: «Положить конец благодущию в просвещении» говорилось: «У нас есть Г... пропагандист кандидатской школы, который путано, отвечает на вопросы слушателей. Так, на вопрос слушателя: “Когда должно отмереть государство?”, он ответил, что “не обязательно. Надо ждать, когда будет революция во всем мире, вот, например, будет революция в Германии, тогда и не надо государства”. Подпись: Яд» (10).

На последней странице многотиражки существовал так называемый «Почтовый ящик», в котором редакция давала разъяснение авторам статей и заметок, не вошедших в номер. Например, в многотиражке «Цемент» в «Почтовом ящике» говорилось: «Лаптю – Ваша заметка: “Не выдвигание, а задвигание”, не пойдет, по причине, что вопрос окончательно не решен. Рабкору З... – Ваша заметка: “Под обстрелом” направлена в легкую кавалерию для выяснения и изжития бесхозяйственности. Рабкору Л.З. – Ваша заметка: “Культурная работа на бумаге” направлена в местком для исправления недостатков» (11).

Таким образом, помимо освещения политического и социально-экономического развития страны в многотиражках поднимались проблемы политического образования, военного воспитания, а также публиковались всевозможные разоблачения «замаскировавшихся врагов».

Можно предположить, что некоторые рабкору искренне пытались увеличить рабочий слой в тех или иных организациях, а другие могли использовать «критику снизу» в личных целях. В астраханском многотиражном издании «Кооперативный работник» рабкору разоблачали «чуждых», считая их первопричиной кризиса в области снабжения и торговли. В многочисленных заметках говорилось: «В магазине № 30 служит кассиром Г..., который в 1926–1928 гг. на Трусово имел бакалейную лавку и содержал пивную. На пароходе “Даргомыжский” заведующим буфетом работает бывший духанщик и содержатель буфета. Он эксплуатировал рабочую силу. Может ли быть полезен в кооперативной торговле Г... (он работает в магазине № 24), ранее он имел галантерейную торговлю на рынке Большие Исады» (12).

В начале 1930-х гг. по мере увеличения темпов строительства новых предприятий и производительности труда многотиражки основную свою печатную площадь посвящали производственному процессу и проблемам, связанным с ним. Однако часто невыполнение планового задания списывалось на присутствие нетрудового элемента на предприятиях.

Например, в астраханской многотиражке «Голос рабочего» в статье «Повысить классовую бдительность» говорилось: «Котельщики говорили, о том, что из-за плохого качества инструмента приходится не выполнять задания. Да и чему удивляться, когда в инструментальной работает М... – дочь белого офицера, который сейчас работает за границей. Она малоквалифицированным рабочим выдает бородок вместо зубила. Работает там Б... – кулак,

который имел наемную силу на Больших Исадах. При этом мастеру котельного цеха об этом известно, но почему-то он молчит?» (13).

Многотиражные издания являлись определенным идеологическим рупором предприятия или организации, вскрывающим недостатки на производстве и общественно-политической жизни трудового коллектива. Рабкоры на страницах многотиражки могли смело критиковать мастеров, начальников цеха и представителей администрации. В многотиражном издании «Голос рабочего» в статье «Нервных нужно вылечить» молодые рабкоры критиковали поведение старых коммунистов. В статье говорилось следующее: «На партийном цеховом собрании было указано на недостатки в поведении некоторых коммунистов. Будучи на собрании, член партии товарищ Ц... начал кидать шапку, махать руками с криком: “Что, ты, меня агитируешь, я – красный партизан, я был везде, в горкомах, и нас там не судят, я – больной, я – нервный!”. Собрание уделило внимание такому поведению. Но в ячейке еще много “нервных и больных коммунистов”, необходимо их лечить» (14).

В 1930–1931 гг. большинство многотиражных изданий выходило с публикациями, посвященными невыполнению плана по ремонту судов на астраханских предприятиях. Несмотря на завышенные, фактически неосуществимые задания, а также экономические методы, которые привели к многомесячным задержкам заработной платы, виновные были найдены среди руководителей предприятий (15).

В трудовых коллективах также были найдены «вредители». В астраханской многотиражке «Буксир коммуниста» в статье «В рабочую семью затесались чужаки. Они выступали пособниками классового врага» говорилось: «Не было случая, чтобы токарь К... не выступал со здоровой критикой. Его выступления носят явно антисоветский характер. Он всегда злобно посмеивается над ударниками и с пеной у рта защищает царский строй. Кузнец З... и молотобойцы А... и К... не берутся за ту или иную работу, пока не поскандалят с мастером. Их лозунг: “Даешь монету, а то бросим работу”. В электроцеху работает Ж... Он позволяет себе открыто агитировать против Советской власти и сочинять всякие небылицы против наших вождей» (16).

Часто рабкоры на страницах многотиражек критиковали трудящихся, высказывающих сомнения по поводу выполнения плана и их «самокритики». Так, в астраханской многотиражке «Кооперативной работник» в статье «Нытик и малонер» говорилось: «На общем собрании обсуждалось обращение ЦК ВКП(б), и в прениях выступил продавец Л... который сказал: “Чтобы совершить такую работу, которую возлагает партия на рабочую кооперацию, надо быть образованным. А мы кто? – неучи! Нет, не сумеем мы выполнить хозяйственную программу партии. Вот сама партия призывает к самокритике, а на деле получается так, покритуешь, и с работы долой”. Далее ему был поставлен конкретный вопрос: “Готов ли он бороться за промфинплан?”. Однако агент право-левацкого оппортунизма не сумел ответить» (17).

Таким образом, многотиражные издания в полной мере отвечали задачам самокритики и старались максимально проводить ее в жизнь, желая достигнуть главного итога – идеологически грамотного бдительного рабочего, радеющего за производство, активно принимающего участие в развитии предприятия. Но на сколько сами рабочие были готовы претворять самокритику в жизнь, как они относились к «критике снизу»?

Большинство трудящихся восприняло этот призыв центральной власти настороженно. В отчете Нижневолжского крайкома ВКП(б) за 1928 г. говорилось: «Боязнь критиковать чрезвычайно распространена, так же распространено неверие в наказание» (18).

Во многих случаях население на критику реагировало отрицательно. В отчетах говорилось, что многим критикующим в организациях и предприятиях давали такие клички, как «шпик», «бузотер», «сплетник». На многих предприятиях Саратова отмечались ненормальные отношения между мастерами и простыми рабочими, мастера «прижимали» их за критику, часто в резкой форме выражали свои эмоции.

Например, на саратовском заводе Электролес «мастер в порыве злобы обнажил заднюю часть тела и заявил: “Вот как я смотрю на вашу критику!”». Многим «новым» рабочим также не нравилась критика в их адрес за плохое отношение к станкам, за прогулы. В отчете говорилось, что «они тоже угрожают и приклеивают разные обидные ярлыки» (19).

На ряде предприятий применялось пассивное преследование рабкоров. Так, в Астрахани срывали и вырезали статьи из стенгазет. В Сталинграде просто не реагировали на сигналы в стенгазетах. На собраниях администрация предприятий иногда намекала на последствия критики. На заводе «Красный Октябрь» в Сталинграде, на общем собрании председательствующий сказал: «Критикуете ребята, да смотрите не закритикуйтесь!». На многих предприятиях администрация говорит: «Это не ваше дело, лучше помолчите» (20).

Однако рабкоры пытались защищаться и нередко добивались наказания своих преследователей. Конкретным примером может служить дело, произошедшее на пароходе «Инженер» в Астрахани.

В августе 1928 г. на заседании судового комитета Каспийского пароходства рассматривалось заявление некоторых членов экипажа парохода «Инженер». В заявлении говорилось, что «командир парохода грозит членам экипажа увольнением с работы. Эти угрозы возникли в связи с выходом стенгазеты, в которой командир обвинялся в нарушении закона о труде, то есть эксплуатировал кухарку и некоторых матросов в своих интересах». После рассмотрения дела судовой комитет постановил: «Передать дело для рассмотрения в прокуратуру» (21).

Встречались случаи активного преследования рабкоров. В отчетах приводились следующие примеры: «В Балашове было уволено с завода два рабочих и один корреспондент избит. В Сталинграде против рабкоров было

возбуждено два судебных процесса. В Урюпинске рабкора из-за опубликованной заметки перевели на низкооплачиваемую работу» (22).

Стоит отметить, что активное преследование проводников самокритики все же не было распространенным явлением. В большинстве своем рабочие предпочитали не высказывать открыто своего мнения. Этому свидетельствует множество высказываний трудящихся. Так, на собрании по теме «Отчет правительства СССР» рабочий сказал: «Вот вы говорите, что нужна самокритика, а у нас в Астрахани за самокритику увольняют, так что работник боится самокритики» (23). Рабочий предприятия Госхолодильники говорил: «Рабочий бывает тогда нужен, когда туго дармоедам, а коснись сказать про них что-нибудь, так сейчас же запрячут, куда следует, как “контрреволюционера”, и дадут кличку “бузотер”» (24).

В Саратове рабочие говорили: «Вылетишь с завода и сам не поймешь за что!». На заводе «Баррикады» в Сталинграде некоторые рабочие подговаривали сезонников выступать с требованиями и критикой на собраниях, мотивируя это следующим: «Все равно вам на биржу, а нас с работы могут списать» (25). В сводках отмечается, что на собраниях рабочие пассивны и не отличаются критикой в адрес администрации.

Часто рабочие считали неэффективными и формальными общее рассмотрение проблем на заседаниях и собраниях. На одном из астраханских заводов выступающий говорил: «Нас все равно не слушают, говорят, чтобы мы давали свое мнение, а потом плюют на наши замечания». Рабочий астраханских промыслов возмущался: «Разве Советская власть не знает, что на промыслах творится разврат и хищение, кабала и издевательства. Все это скрыто нажимом заведующего, а скажи наш брат, те же коммунисты заткнут рот, и не пикнешь. Очистить промыслы от негодяев, тогда и самокритика будет. Рабочие два года говорят, что на промыслах пьяницы, бюрократы и взяточники, а что сделано? Ничего. Все наша критика и самокритика пойдет прахом (всего было зарегистрировано около 40 подобных разговоров в городе и на промыслах)» (26).

Ввиду вышеперечисленных причин многие трудящиеся открыто не высказывали своего мнения и критических замечаний, а в итоге молчаливо соглашались с резолюциями, предлагаемыми руководством. А на деле отчеты ОГПУ постоянно фиксировали негативные высказывания рабочих в адрес советской власти и членов ВКП(б) в связи с постоянными задержками заработной платы и неудовлетворительным снабжением продуктами питания (27). В первой половине 1930-х гг. резко упал общий уровень жизни горожан. О голоде 1932–1933 г. на страницах многотиражных изданий не было сказано ничего, газеты продолжали агитировать и обвинять не согласных или сомневающихся.

Так, многотиражка «Рейдфлотовец» описывала следующий случай: «Три механика шхуны “Энгельс” (один из них член ВКП(б)), предъявили

требования: “Даешь нам смену или мы уходим со шхуны, так как нас очень плохо кормят и не дают денег!”». Автор статьи делает следующее заключение после изложения материала: «Коллективы судов Волги и Каспия должны осудить поступок “тройки”, по-большевистски заклеить позором и выжечь каленым железом такие элементы из наших рядов» (28).

Аналогично многотиражные издания оценивали поведение рабочих в связи с отказом на подписку государственных займов. На фоне критической ситуации со снабжением продуктами питания и периодическими задержками заработной платы подписка на облигации различных государственных займов ложилась тяжелым бременем на семейные бюджеты. Безусловно, это обстоятельство вызывало недовольство населения.

Так, столяр завода им. Сталина в Астрахани говорил: «Только и знают, что с рабочих дерут разные займы, а рабочим ничего не дают». На заводе им. III Интернационала рабочие разговаривали о займе, и один котельщик возмущался: «Каждый месяц вычитают по 50–70 руб., совсем убили рабочих, дайте хоть немного передохнуть нам. Ведь целые пачки облигаций лежат, а куда их девать?» (29).

В другой ситуации плотник астраханского завода им. Сталина говорил: «Займам конца не будет, надоели нам слова агитаторов всякий раз слушать... Хлеба убавили, а на заем говорят, гони трехнедельный заработок. Мы правительству даем, а наши деньги на стройки не идут. Вот на основании чего я решил от подписки отказаться, да и весь плотничий цех от подписки отказался».

С ним соглашался и возчик утильсырья: «Все навязываются с займом и заставляют подписываться. Но теперь довольно, этим займам конца не будет и они не под силу рабочим... Подписываются на заем только дураки. Я решил на заем не подписываться, пусть хоть расстреляют» (30). В отчетах ОГПУ, направленных в Трусковский РК ВКП(б) Астрахани, отмечается, что настроение трудовых коллективов в связи с подпиской политически нестабильное, и приводится большое количество недовольных высказываний рабочих (31).

Несмотря на такое критическое отношение к процессу подписки на государственные займы, многотиражки агитировали рабочих за подписку. В многотиражном издании астраханского завода им. Ф. Энгельса «Соревнование» в статье «Рабочие о займе» говорилось: «Вот что сказал столяр К...: “Если я не помогу, другой не поможет, так кто же поможет нашей стройке?!”».

Помимо агитации авторы заметок указывали на причины и виновников неудовлетворительно хода займа. Та же газета «Соревнование» писала: «На собрании кузнец К... сказал: “В кузнице собраний не было. Никто к нам не приходил и не сообщал о подписке. А выпустить новый займ безусловно надо”» (32). В газете «Цемент» в статье «Слесарь К... – тоже агитирует» говорилось: «Слесарь механического цеха Пролетарского острова заявляет мно-

гим рабочим, что те, кто из них подпишется на заем “Пятилетка – в четыре года” – дураки! Обратите внимание на человека, заболевшего кулацкой дизентерией» (33).

Критическая ситуация в первой половине 1930-х гг. сложилась в сфере общественного питания. Трудящиеся постоянно выказывали недовольство качеством и количеством предлагаемых обедов. В 1934 г. слесарь астраханского завода им. К. Маркса говорил: «Такой обед, как я ем, поднести бы Сталину, чтобы он сказал, хорошо или нет? Всех людей обрекли на голод, везде кризис, а у нас хорошо, голодные и холодные ходят, как видимо, будем хорошо жить, когда останется населения в СССР 30%». Рабочий на заводе им. III Интернационала сказал: «Ну и обед, одна вода, что ни год, то все хуже становится жить. За что мы боролись? Живем в Астрахани, а вместо рыбы едим одни башки, при царе жилось и то лучше» (34).

Многотиражные издания предприятий и организаций довольно быстро нашли виновных. Так, в 1934 г. в астраханской многотиражке «Судостроитель» была выпущена большая рубрика под заголовком «Выше классовую бдительность – выкорчевываем остатки “астраханщины”», в которой приводились примеры проявления «астраханщины» на предприятии в области общественного питания. В статье под заголовком «Жирный кусок хозяину» говорилось: «В начале июля случилось, что ударникам стала не хватать ударных обедов. Когда же попытались узнать, в чем дело? Находившийся в столовой член правления П... сказал: “А тебе не все равно, что кушать, что ударный или не ударный обед?” Между тем, сам П... ежедневно обедает в столовой, и часто вместо хлеба набирает себе тарелку пирожков».

В следующей статье под заголовком: «Попросите посторонних» описывался другой негативный с точки зрения рабкоров момент: «Слесарь Л... обедает в диетической столовой, а его жена приходит к нему каждый день и обедает вместе с ним, несмотря на то, что некоторым диетикам не хватает места» (35).

Наблюдая расхождение между публикуемыми материалами и реальной действительностью, многие рабочие не доверяли печатным средствам информации. Так, один астраханский рабочий о ситуации в общественном питании высказывал свою точку зрения товарищу: «Что по газетам у нас все хорошо, а на деле кормят так, как раньше свиньи не жрали» (36).

Безусловно, в многотиражных изданиях и стенгазетах существовала определенная внутренняя цензура. Если публиковался материал, не соответствующий государственной идеологии и теории самокритики, коллектив издания подвергался гонениям. Например, в 1935 г. из Саратовского крайкома ВКП(б) было направлено письмо секретарю Саратовского горкома ВКП(б) следующего содержания: «Предлагаю на заседании Бюро горкома рассмотреть вопрос о стенгазете Госцирка “Зритель”, в которой

была опубликована статья, посвященная годовщине смерти Ленина, являющаяся дословной копией статьи Троцкого «Об умершем». В частности предлагаю: более детально расследовать этот вопрос, в связи с тем, что выпускала эту газету редколлегия стенгазеты Электrozавода РУЖД, в частности комсомолец Н... предложивший статью, а секретарь комсомольской организации Ш... и председатель завкома Ф... не нашли в ней ничего особенного».

После долгих разбирательств бюро Саратовского горкома ВКП(б) постановило: «Газету “Зритель” закрыть, партийно-комсомольской организации Электrozавода РУЖД объявить выговор, а комсомольца Н... исключить из комсомола» (37).

В целом, несмотря на резкие и критические заметки, в многотиражных изданиях не освещались повседневные проблемы трудящихся. Они с точки зрения «сталинской самокритики» являлись бы критикой «буржуазной» или «троцкистской», тормозящей построение социализма, так как самокритика должна была касаться хозяйственной и производственной деятельности. Поэтому люди высказывали неудовлетворение своим социально-экономическим положением в основном в частных разговорах, иногда, доведенные до отчаяния, выступали на общих собраниях.

Однако многотиражные издания, как и другая пресса, следуя «сталинскому курсу самокритики», будто бы не замечали реального положения горожан, призывая выполнять плановые показатели, не обращая внимания на многомесячные задержки заработной платы. Население понимало самокритику как прямую критику администраций и партийных организаций на различных уровнях по наиболее острым, в первую очередь социальным вопросам. Таким образом, в вопросах «критики снизу» трудящиеся были достаточно дезориентированы, так как само понятие «критика» теперь имело другое значение.

Критиковать государственную власть за свое нищенское существование считалось преступлением, и реально влиять на проводимую политику, как это декларировалось по «сталинской теории самокритики», население не могло. Открыто на собраниях высказывать критические замечания администрации предприятий было чревато негативными последствиями или прямым увольнением. Оставалось писать анонимные заметки в многотиражки, в которых опять же публиковались статьи определенной тематики (производственный процесс, разоблачение «врагов», политическое просвещение и т.п.) и к тому же идеологически выверенные со «сталинским курсом».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Доклад активу московской организации ВКП(б). 13 апреля 1928 г. // www.stalinism.ru
- (2) Там же.
- (3) Там же.
- (4) Правда. – 1928. – 26 июня. – № 146.
- (5) Доклад активу московской организации ВКП(б). 13 апреля 1928 г.
- (6) Там же.
- (7) ГАНИСО. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 34, 36.
- (8) Цемент. – 1930. – № 3.
- (9) Голос рабочего. – 1931. – № 23.
- (10) Там же. – 2 марта 1934 г.
- (11) Цемент. – 1930. – № 3.
- (12) Кооперативный работник. – 1930. – № 5.
- (13) Голос рабочего. – 1934. – № 11.
- (14) Там же. – 1932. – № 9.
- (15) И будет городу Форпост. – М., Астрахань, 1999. – С. 34–36.
- (16) Буксир коммуниста. – 1931. – № 5.
- (17) Кооперативный работник. – 1930. – № 13.
- (18) ГАНИСО. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 93.
- (19) Там же. – Д. 24. – Л. 37, 38, 39.
- (20) Там же. – Л. 168.
- (21) ГААО. – Ф. 1727. – Оп. 1. – Д. 1034. – Л. 23–24.
- (22) ГАНИСО. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 37, 136.
- (23) ГААО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 307. – Л. 53.
- (24) ГАСД АО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 15.
- (25) ГАНИСО. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 37, 166.
- (26) Там же. – Д. 23. – Л. 93.
- (27) ГАСД АО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 25, 29.
- (28) Рейдфлотец. – 1935. – № 2.
- (29) ГАСД АО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 102.
- (30) Там же. – Л. 241.
- (231) Там же.
- (32) Соревнование. – 1932. – № 23.
- (33) Цемент. – 1930. – № 2.
- (34) ГАСД АО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 402; Д. 30. – Л. 70.
- (35) Судостроитель. – 1934. – № 16.
- (36) ГАСД АО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 259.
- (37) ГАНИСО. – Ф. 594. – Оп. 1. – Д. 298. – Л. 9, 15.

**«CRITICISM FROM BELOW» AT THE ENTERPRISES
AND ORGANIZATIONS OF THE LOWER VOLGA REGION
IN THE SECOND HALF OF THE 20S AND IN THE FIRST HALF
OF THE 30S OF THE XXth CENTURY**

A.O. Tyurin

Chair of History of Russia
Astrakhan State University
Tatischev Str., 20, Astrakhan, Russia, 414056

In the given article such a phenomenon of the Soviet democracy as «self-criticism» is described and analyzed on the basis of archive data. Here it is shown how different groups of citizens realized the «criticism from below» appeal of the government in their everyday life in practice.

Key words: Soviet democracy, self-criticism, citizens, «criticism from below».